

*Посвящается 95-летию
Александра Львовича Маковского*

От издательства

Цель настоящей серии видится ее инициаторам в том, чтобы познакомить возможно более широкий круг читателей – правоведов, юристов-практиков, историков, а также всех тех, кто живо интересуется правовой проблематикой и историей права, с замечательными, однако давно, иногда более столетия, не переиздававшимися произведениями российской цивилистики и тем спасти их от незаслуженного забвения.

Выпуску книг предшествует серьезная научно-организационная и редакционная подготовка, проводимая на базе издательства «Статут». Редколлегия серии руководствуется при отборе книг для публикации прежде всего критериями научной ценности и актуальности, видит главную задачу в сохранении идентичности текстов оригинала и современного издания, стилистических особенностей языка времени создания произведения. Все книги серии снабжены научными предисловиями, многие – приложениями и материалами справочного характера, в том числе отзывами и рецензиями современников автора.

С 2024 года генеральным партнером серии стала юридическая фирма «Кучер, Кулешов, Максименко и партнеры» (ККМП). Благодаря этому сотрудничеству издательство имеет возможность не только пополнять серию новыми книгами, но и по мере необходимости переиздавать, а значит, возвращать в научный оборот те из них, которые оказались наиболее востребованы современными читателями. Результатом этой работы станет восстановление в актуальном издательском портфеле «Статута» более 60 книг серии «Классика российской цивилистики», начало которой было положено в 1997 году.

КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКИ

Е.А. Флейшиц

Избранные труды по гражданскому праву

В двух томах

2-е издание, исправленное

Том 1

Москва – 2025

УДК 347
ББК 67.404
Ф71

Серия основана в 1997 г.

Председатель редакционной коллегии серии
д-р юрид. наук, проф. **Е.А. Суханов**

Редакционная коллегия серии:
д-р юрид. наук, проф. **В.В. Витрянский**
д-р юрид. наук, проф. **П.В. Крашенинников**
канд. юрид. наук., доц. **А.Н. Кучер**
А.Г. Долгов
канд. юрид. наук, доц. **А.В. Ем**

Ответственный редактор тома
д-р. юрид. наук., проф. **А.Л. Маковский**

Флейшиц, Екатерина Абрамовна.

Ф71 Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. / Е. А. Флейшиц. — 2-е изд., испр. — Москва : Статут, 2025. (Классика российской цивилистики.)

ISBN 978-5-8354-2133-6 (в пер.)

Т. 1. — 512 с.

ISBN 978-5-8354-2134-3

Ученица И.А. Покровского и М.Я. Пергамент, доктор юридических наук, профессор Е.А. Флейшиц — одна из самых крупных и ярких фигур в отечественной цивилистике XX столетия. Блистательный оратор, выдающийся университетский педагог, одна из создателей Основ гражданского законодательства 1961 г. и ГК России 1964 г. Е.А. Флейшиц оставила обширное научное наследие, избранная часть которого предлагается читателю в двух томах.

Главным в научных интересах Е.А. Флейшиц, человека глубоких демократических убеждений, всегда были субъективные права личности и их защита.

В первом томе читателю впервые полностью открывается одна из самых важных лучших работ Е.А. Флейшиц — ее докторская диссертация о личных неимущественных правах, ставшая основой всех последующих отечественных исследований в этой области. Главные идеи этой монографии затем развиты автором в работах о конкретных институтах и отраслях гражданского права. Одна из них — часть книги «Авторское право», одного из томов «Курса советского гражданского права», — также вошла в настоящий том.

УДК 347
ББК 67.404

ISBN 978-5-8354-2134-3 (т. 1)
ISBN 978-5-8354-2133-6

© А.Л. Маковский, вступ. ст., составление, 2015

© О.Ю. Шилов, список науч. тр., 2015

© Редподготовка, оформление, переиздание. Издательство «Статут», 2025

Екатерина Абрамовна Флейшиц

(очерк жизни и творчества)

Длинная жизнь заставляет пересмотреть не одно сложившееся в молодости суждение, не одну произведенную в молодые годы оценку. Сохранить при этом нетронутым безоговорочное уважение к тем, у кого ты в молодости учился, гордиться своими учителями невзирая ни на какие переоценки — это одна из прекраснейших жизненных удач. Может быть, более прекрасная, чем возможность гордиться своими учениками. Ибо гордость достижениями учеников не вовсе свободна от мысли о самом себе: что-то и ты для этих достижений сделал. Гордость учителями проникнута одной лишь светлой благодарностью к ним, к жизни, которая привела тебя на пути этих людей.

*Е.А. Флейшиц. Из неоконченных воспоминаний
о М.Я. Пергаменте (рукопись)*

Замечательный человек интересен не только деяниями, оставившими след. Породивший эти деяния феномен гениальности, таланта, выдающихся человеческих качеств или способностей всегда будет требовать ответов на вопросы: а как же это произошло, из каких жизненных обстоятельств — благодаря или вопреки им, как — с помощью или преодолевая сопротивление каких людей и сил — возник феномен «замечательного человека» и как сделано им то, что вызывает признательность многих поколений? В поисках ответов на эти совсем не праздные вопросы важным становится все, что окружало героя, всё и все, с чем и с кем он соприкасался. Такими поисками уже тысячелетия занимается литература под общим названием «жизнеописания».

Екатерина Абрамовна Флейшиц была замечательным человеком, достойным хорошего жизнеописания. Вероятно, лучше всего это сделать могла бы она сама, оставив воспоминания. Ценность своих

воспоминаний Е.А. понимала. В 1962 г., за шесть лет до смерти, она писала:

«...Я знаю не лишённые общественного интереса вещи, которых не знает почти никто, а некоторых не знает никто, кроме меня. Многое из того, что могу рассказать, не лишено интереса для истории царского суда, а суд — всегда хороший показатель состояния общества, в котором он действует. Многое интересно для истории правового положения женщин в России. Наконец, события, с которыми оказалась связана моя молодость, позволили мне узнать много людей, игравших незадолго до Октябрьской революции не последнюю, а некоторые — видную роль в политической жизни России, в русской науке. Когда случается вспомнить вслух отдельные черты или эпизоды пережитого, слушатели находят, что это интересно «само по себе»... Мне кажется, что стоит попытаться превратить «слушающих» в читающих то, что я могу рассказать».

За этими словами, написанными в школьном альбоме для рисования, следует десяток страниц, исписанных стремительно бегущим почерком Е.А., и на том все кончается. Текст обрывается на полуслове, а на следующих страницах уже пишутся замечания на книгу Б.Б. Черепяхина о правопреемстве. Несколько раз, в разных блокнотах Е.А. начинает дневник, но на второй-третьей записи он обрывается, а дальше идут выписки из иностранных книг, проекты заключений на законопроекты, отзывы на диссертации и т.п. Долг и интерес к делу всегда оказываются сильнее интереса к себе.

Существует несколько работ, в том числе небольших публикаций о Е.А., написанных близким знавшими ее людьми. Но работы С.Н. Братуся¹ и А.И. Пергамент² в основном посвящены изложению научных взглядов Е.А., оценке ее трудов, характеристике ее педагогического и ораторского дара и почти не затрагивают ее интереснейшую жизнь в науке, преподавании, обществе, ее отношения с коллегами, друзьями, учениками. Написанная в отличие от этих работ эмоционально ярко статья моего друга Виктора Дозорцева, одного из любимых Е.А. учеников, дает в целом верное представление о личности Е.А., обри-

---

¹ См.: *Братусь С.Н.* Научная деятельность Екатерины Абрамовны Флейшиц // Ученые записки / ВИЮН. Вып. 9. М.: Госюриздат, 1959. С. 3–12. Статья написана в связи с 70-летием Е.А.

² См.: *Пергамент А.И.* Доклад на заседании Ученого совета ВНИИ советского законодательства 5 февраля 1968 г., посвященном 80-летию Е.А. Флейшиц (рукопись).

сованной с большой теплотой. Но заканчивает статью автор словами: «...Я пишу о том, что врезалось мне в память, без обращения к источникам. Не сомневаюсь, что многое я пропустил...»¹.

Только статья Гертруды Николаевны Полянской, для Е.А. — любимой «Трубочки», «Начало жизненного пути», несмотря на живость слога, написана как произведение научное и основана на обращении автора к большому числу источников. Она охватывает очень важное время в жизни Е.А., но время это — всего лишь несколько лет².

Тем не менее все перечисленные публикации имеют особую ценность: сообщаемые в них факты достоверны, даже когда не подкреплены ссылками на источник: они наверняка получены из первых рук³.

В настоящем очерке делается попытка собрать воедино то, что уже известно о жизни Е.А., пополнить это своими воспоминаниями и тем, что удалось почерпнуть из немногих оставшихся после смерти Е.А. бумаг.

* * *

Впервые о «Катюше» я услышал в начале зимы 1942 г. в Москве, где волею судьбы оказался в эвакуации вместе с семьей архитектора Льва Владимировича Руднева и сестрой жены Л.В. и моей тетушкой Натальей

¹ Дозорцев В.А. Всегда первая // Правоведение. 2008. № 6. С. 182—193. Там же (с. 194—201) помещена самая полная из опубликованных библиография Е.А. — «Список трудов Е.А. Флейшиц», составленная О.Ю. Шиловостом. Статья не была опубликована при жизни автора: Виктор хотел ее доработать и даже дал мне экземпляр рукописи для предварительного разговора, но, встречаясь чуть ли не каждый день, мы так и не выбрали для этого время.

² См.: Полянская Г.Н. Начало жизненного пути // Ученые записки / ВНИИ советского законодательства. Вып. 14. М.: Госюриздат, 1969. С. 5—33.

³ Сергей Никитич Братусь был знаком с Е.А. еще со времени защиты ею докторской диссертации в ВИЮНе (1939). Все годы совместной работы в ВИЮНе (1943—1968) их связывали очень хорошие отношения глубокого взаимного уважения. Александра Иосифовна Пергамент (1903—1990) и Гертруда Николаевна Полянская (1906—1981) знали Е.А. со своих детских лет. А.И. была племянницей учителя Е.А. — Михаила Яковлевича Пергамента, в семье которого воспитывалась. Г.Н. была дочерью профессора Николая Николаевича Полянского, известного русского специалиста по уголовному процессу, знакомство Е.А. с которым восходит еще ко времени ее парижского студенчества. Виктор Абрамович Дозорцев (1928—2003) был с 1951 г. аспирантом Е.А. в ВИЮНе. Возможно, он был знаком с Е.А. и немного раньше: цивилист Абрам Владимирович Дозорцев, отец Виктора, преподавал на юридическом факультете Института внешней торговли, деканом которого была Е.А.

Михайловной Михайловой (в действительности двоюродной бабушкой), до войны — довольно известной ленинградской адвокатессой.

Однажды, придя вечером домой, тетя Наташа радостно сообщила: «В Москве Катюша Флейшиц, она живет в «Метрополе», и я завтра к ней иду». На следующий вечер она вернулась с рассказами о том, как Катюша попала из блокадного Ленинграда в Москву, о трудных или трагических судьбах многих общих ленинградских знакомых, о блокаде и принесла подаренную ей книгу. Книжкой этой, на обложке и авантитуле которой значилось, что это VI-й выпуск «Ученых трудов» Всесоюзного института юридических наук Наркомюста СССР, в действительности была монография Е.А. Флейшиц «Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран». На первой же за обложкой чистой странице была дарственная надпись: «Дорогой Наташеньке от искренне любящего автора. Москва, 2.XI.42 г.».

Книга эта, тщательно переплетенная, давно стоит в книжном шкафу на полке, отведенной для книг почему-либо особо ценных. Но тогда и книга эта, и сама неведомая мне «Катюша» вряд ли меня заинтересовали. Запомнилось все это потому, что для нас, несколько месяцев как выбравшихся из блокадного Ленинграда, всякая тянувшаяся оттуда ниточка была важной. Необычным же было то, что в гостинице, оказывается, можно жить постоянно, как в квартире. Может быть, я обратил внимание на непонятную надпись в подаренной книге: над фамилией автора лиловыми чернилами было выведено по-печатному: «Только для служебного пользования. № 8».

Где истоки знакомства моей тети Наташи и Е.А.?

Мир петербургской (потом — ленинградской) интеллигенции был тесен¹. Тем более тесен был петербургский мир людей одной профессии. Уже в университете я обнаружил, что тетя Наташа знакома со многими моими преподавателями старшего поколения — Л.И. Картужанским,

---

¹ По разговорам старших казалось, что все в этом мире знакомы: кто-то с кем-то или с братом кого-то учился в гимназии, состоял в дальнем родстве, бывал в одних и тех же домах, отдыхал в Коктебеле или в Профессорском уголке и т.д. и т.п. Известные фамилии произносились в семье часто и обыденно. У прадеда М.С. Морозова лечился Всеволод Гаршин, старшая дочь М.С. — бабушка Соня — была хорошо знакома с писателем Алексеем Чапыгиным, ее сестра — тетя Наташа — с художниками А.Е. Яковлевым, А.П. Остроумовой-Лебедевой, Е.С. Кругликовой. Л.В. Руднев был в родстве с Тиме и Конашевичами, все откуда-то знали Лозинских, часто звучала фамилия Шухаевых, в какой-то компании с Ираклием Андрониковым бывали то ли мама, то ли ее сестры. Список можно было бы продолжить, если бы не память...

Н.В. Рабинович, Я.М. Магазинером. Ровесница Екатерины Абрамовны, окончившая Бестужевские курсы в надежде стать адвокатом, она просто не могла не знать о непосредственно ее касавшемся «деле Флейшиц» и, скорее всего, уже тогда была знакома с Е.А.

Но была еще одна связывавшая их нить, о которой мне известно уже достоверно. Тетя Наташа жила в доме на Таврической, 15. Фасадом этот дом выходит на Кирочную, она в него как будто упирается, делая поворот к Суворовскому проспекту. Года полтора перед войной и я жил у нее здесь, в квартире на четвертом этаже. А три окна невысокого бельэтажа слева от парадного принадлежали квартире Николая Абрамовича Райгородского — тогда главным образом адвоката, позднее — доктора наук, профессора университета, автора, кажется, первой советской монографии по изобретательскому праву. Тесному знакомству тети Наташи с Райгородскими способствовало то, что у Н.А., человека необычайно трудолюбивого и порядочного, но за пределами профессии скучноватого, была удивительная жена. Фани Давыдовна была человеком тонкого ума и вкуса, редкой душевной теплоты, живым и мягким в общении. Небольшого роста, уже полная, Ф.Д. в молодости, наверное, была красива. Большие для этой миниатюрной женщины, немножко близко посаженные близорукие глаза придавали ее лицу какую-то незащищенность. Е.А. и Ф.Д. были именно подругами. Ровесницы, обе они происходили из состоятельных провинциальных еврейских семей. Общим родителям дали европейское образование. У обеих были неудачные первые замужества. И обеих постигла трагедия: их лишили сыновей. Но если Е.А. сама отправила сына за границу и вскоре оказалась навсегда от него отрезана, то у Ф.Д. первый муж сына украл и увез из России. Многолетние попытки Райгородских разыскать мальчика ничего не дали. Кажется, какие-то неточные сведения появились в конце 30-х годов, но в то время искать родного человека за границей уже стало подобно шагу на эшафот.

Вероятно, поэтому всю любовь Ф.Д. перенесла на их с Н.А. сына — Юру¹. Мы были знакомы с Юрой с пяти лет и дружили вплоть до моего переезда после окончания университета в Москву.

---

¹ Жизнь, судьба каждого человека, тем более семьи, может быть сюжетом романа: дело не в героях, а в сочинителе. Но есть судьбы, которые при этом могут показаться не вполне правдоподобными. Скажу только, что Юра — мальчик из очень далекой от советской идеологии интеллигентной семьи — в советской школе стал истинно верующим комсомольским вожаком, а через много лет, претерпев много всякого, оказался одним

В семье Райгородских Е.А., естественно, была «Катюшей». Так же вслед за родителями называл ее и Юра, и однажды, — скорее всего, летом 1946 года — я услышал от него: «Катюша приехала, она у нас». Первое, что я увидел, войдя в столовую, была очень высокая прическа женщины, сидевшей в глубоком кожаном кресле ко мне спиной. Меня представили, конечно, как «племянника Наташи».

На этом, собственно, все и закончилось. Вряд ли для Е.А. мог быть чем-то интересен по-летнему расхристанный мальчишка-старшеклас-сник. А уж я тем более ни сном ни духом не ведал, что через какое-то время жизнь надолго сведет меня с этой немолодой, нарядно одетой, подтянутой женщиной.

Но что-то все-таки было в Е.А., что заставило меня запомнить и этот летний день, и то, что в квартиру Райгородских мы ввалились грязные, так как до этого возились у решетки Таврического сада с починкой велосипедов, пока Ф.Д. не позвала нас из открытого окна. Возможно, то, что Е.А. явно была в приподнятом настроении. Ведь кончилась эта страшная война, она опять была в своем любимом, таком щемяще великолепном городе, с которым столько было связано; она опять видела свою дорогую Фанечку, близких людей, каких в Москве у нее не было. И сама она в той жизни, которая складывалась, явно была «на коне»: уважаемый профессор и декан в одном из самых престижных (теперь сказал бы — «элитарных») вузов страны.

Кем в действительности была эта немолодая, нарядная, оживленно разговаривавшая женщина, я начну понимать, когда через семь лет стану аспирантом Е.А. во Всесоюзном институте юридических наук, а она — навсегда моим Учителем.

* * *

В.А. Дозорцев начинает статью о Е.А. словами, которые становятся ее лейтмотивом: «Судьба была к ней сурова. Может быть, это и вы-ковало характер, сформировало личность»¹. Это верно. Судьба не раз наносила Е.А. тяжелые удары, и хотя она переносила их стоически, следы они оставляли навсегда.

из рьяных лидеров какой-то весьма правой (по сути дела, националистической) партии в Израиле (потом, кажется, распавшейся). При этом он всегда оставался совершенно искренним и глубоко убежденным в своих идеях.

¹ Дозорцев В.А. Указ. соч. С. 182.

И все-таки то, что составляло неповторимую личность Е.А., — неповторимое сочетание убеждений, характера, знаний и поступков, — как у большинства людей, было определено ее детством и семьей.

Как пишет сама Е.А., первые шестнадцать лет ее жизни прошли «в маленьком городе Полтавской губернии». Этим маленьким городом был Кременчуг, где она родилась 28 января (16 января по старому стилю) 1888 г.¹ Город действительно был маленьким — меньше 60 тыс. жителей, но не был захолустьем. У него было прошлое: несколько сот лет существования, какое-то время даже статус губернского города, посещение императрицей Екатериной Великой. Стоял и стоит он на перекрестке крупных дорог. А главное — стоит Кременчуг на одной из самых прекрасных рек — на Днепре, по весне вливаемом даже в прибрежные улицы. И отсюда такие непривычные для иногороднего уха названия городских районов: «1-я Занасыпь», «2-я Занасыпь».

Старый, приземистый, в два-три этажа, Кременчуг, стоявший почти целиком на левом берегу, мог похвастаться немалым числом красивых каменных зданий, среди которых на одной из главных улиц была женская гимназия. Постоянное ощущение рядом большой воды, почти моря, обилие зелени, городские сады, фантастические закаты за правым берегом Днепра — все это делало город полуужным.

Полтавская губерния входила в черту оседлости, и население города было почти наполовину еврейским, в остальном — на две трети украинским.

При рождении девочку назвали Гитель, но это имя ей не нравилось, и она с детства стала называть себя Катей, а при смене эпох поменяла имя официально.

О родителях Е.А. известно мало. Абрам Петрович Флейшиц был адвокатом, а потому в небольшом Кременчуге лицом известным и видным, что объясняет и его участие в городском самоуправлении. Софья Семеновна происходила из местной состоятельной торговой фамилии, окончила гимназию. Вот и все. Но самое главное сказала о своих родителях и об отношениях в семье сама Е.А.:

«...Мое желание учиться юридическим наукам возникло... из источников, не лишенных детского курьеза, но пропитанных благородными стремлениями. Мой отец был адвокатом, и маленькими детьми мы с сест-

---

¹ Даты, относящиеся ко времени до перехода на новый стиль (31 января 1918 г.), далее приводятся по старому стилю.

рой знали, что «папа борется за правду». Мы постоянно слышали разговоры о необходимости добиться отмены высылки одного, оправдания судом другого, о том, что надо помочь семье арестованного третьего. Мы знали, что бывают несправедливые и жестокие судебные приговоры, горевали искренним детским горем, когда отец был печален и озабочен таким приговором, и радовались, когда «папа победил». Я обожала отца и хотела, как говорилось в детской, «толком понимать», что и как папа делает свое справедливое и трудное дело. Поэтому уже в шестом-седьмом классе гимназии я твердо решила стать юристом. Отцу это казалось немножко смешным, но не вовсе бессмысленным. Он твердо верил в силу права, за обожание платил мне ласковым вниманием к моим детским мечтам».

Наполняющая эти строки атмосфера любви и уважения, в которой росли дети в семье кременчугского адвоката, невольно ведет меня к воспоминаниям другой девочки, дочери, правда, не адвоката, а врача, в другом городе русской провинции. Городом этим был старый Вильно, девочку звали Саша, а фамилия ее отца, врача и виленского общественного деятеля, была Бруштейн. Когда Саша выросла, Александра Яковлевна Бруштейн написала одну из лучших книг для детей (а может быть, и для взрослых, которые растят детей) «Дорога уходит в даль»¹ и потом продолжила ее книгами «В рассветный час» и «Весна»². Прочтите эти книги — и вы легко представите себе детство и отрочество Кати Флейшиц. Вы увидите, как в семьях пореформенной русской интеллигенции — неважно каких кровей — вырастала молодежь, для которой главным мерилом всего, что встретится на жизненном пути, стала справедливость, а главным жизненным устремлением — борьба за то, чтобы справедливость торжествовала. И станет совершенно понятно, почему приведенные выше строки Е.А. заканчивают словами: «...И когда я в 1904 году окончила гимназию, все было ясно: я буду учиться, чтобы стать юристом».

Окончила гимназию Катя Флейшиц с золотой медалью.

Знаменитости подлинные и мнимые любят поразить поклонников, рассказывая, какими бесшабашными лодырями, а еще лучше — хулиганами, они были в школьные годы. Такое действительно случается,

---

¹ «Дорога уходит в даль» и две продолжающие ее повести были написаны во второй половине 50-х годов прошлого века, а их появление в печати стало одной из примет «оттепели».

² Можно только порадоваться, что теперь эти книги переиздаются в серии «Детская классика», правда, мизерными тиражами в 3000—4000 экземпляров, тогда как советские издания этих книг превышали 100 000 экземпляров каждое.

но никакой закономерности в этом нет. А вот из медалистов и хороших учеников редко вырастают бездари и никогда — лентяи. Годы хороших отметок говорят о том, что совсем юный человек научился целеустремленно трудиться изо дня в день еще тогда, когда тангенсы и котангенсы, закон Ома и спряжение французских глаголов в двенадцати временах трудно увязать с увлекающими и возвышенными мечтами о будущем.

Впитанное в гимназические годы желание работать всегда и умение посадить себя за письменный стол даже после трудного дня, даже в девять-десять вечера и до поздней ночи, Е.А. сохранила до конца дней. В гимназические годы появилась у Е.А. тоже оставшаяся навсегда уверенность: она может, а значит, должна быть первой. Честолюбие? Да, но честолюбие становится пороком тогда, когда свое первенство несправедливо достигается за счет других. А для Е.А. с тех же детских лет в словах «честолюбие» и «честность» слышался один корень.

Но девочке, да еще еврейского происхождения, золотая медаль особых перспектив не открывала.

Женщин среди присяжных поверенных в России не было. Правда, основной акт судебной реформы Александра II — Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. — содержал исчерпывающий перечень тех, кого запрещалось принимать в это сословие, и «лиц женского пола» в их числе не было. Но он разрешал принимать в сословие присяжных поверенных лиц, имеющих аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук (ст. 354). А по утвержденному тем же царем-реформатором 18 июня 1863 г. Общему уставу императорских российских университетов (как считают, самому либеральному за всю их дореволюционную историю) студентом мог стать только достигший 17-летнего возраста молодой человек (§ 85), но никак не девица. Следующий — самый мрачный из университетских уставов — Устав, изданный 23 августа 1884 г. Александром III, ничего в этом отношении не изменил.

Оставались высшие женские курсы, которых к тому времени в разных городах России было уже больше двадцати, в том числе лучшие из них — Петербургские высшие женские курсы, больше известные как «Бестужевские». Но все они, «...и Бестужевские курсы, и возникший в 1906 году в Петербурге Женский политехникум, были созданы частными лицами, на частные средства, и лишь окрепнув вопреки множеству трудностей, получили официальное полупризнание». Произошло это позднее, в значительной мере под влиянием революции 1905 г.

А пока их дипломы прав лица, имеющего высшее образование, не давали¹. К тому же на самых привлекательных женских курсах — Бестужевских в Петербурге — юридического факультета не было: он открылся только 13 мая 1906 г. Все это сыграло роль, когда было решено, что «для того, чтобы учиться праву, надо поступать в какой-нибудь университет за границей».

И было решено 16-летнюю Катю, всего один раз выезжавшую из Кременчуга на две недели к тетке в Петербург, отправить в Париж. Спустя 60 лет она напишет:

«Теперь мне все это кажется немножко странным... Но таково было время... И таковы были мои родители. Когда я с великой благодарностью вспоминаю свое детство и юные годы, я, может быть, больше всего благодарна моим родителям за две черты моего воспитания: мои родители незаметно привили своим дочерям уверенность в том, что, став взрослыми, они должны сами строить свою жизнь, прежде всего сами зарабатывать себе на жизнь, и они воспитали в нас доверие к людям...».

Трудно остановиться. Пусть читатель больше узнает о Е.А. от нее самой. А то, что она говорит, и очень просто, и безмерно важно.

«Хочу быть правильно понятой: это доверие — не прекраснодушие, а «презумпция добросовестности», без которой не может быть никакого нормального общежития. Верили мои родители и своим детям: хочет дочка учиться, — значит, будет учиться, а не заниматься какой-нибудь блажью. А если встретится на пути что-нибудь злое, дурное, скорее всего, поймет. Верили в твердость привитых дома привычек и «понятий». Поэтому им не страшно было отпускать шестнадцатилетнюю девочку в Париж. Французскому языку, как и немецкому, нас научили еще в семь-восемь лет, за что я тоже очень благодарна моим родителям».

У Софьи Семеновны была в Париже гимназическая подруга. Танечка бежала из России от суда, которому была предана за участие в студенческих беспорядках. Окончила в Париже медицинский факультет, вышла замуж и работала врачом в детской больнице. «Написали Та-

---

¹ С этим была связана и опасность, о которой родители сестер Флейшиц (да, вероятно, и они сами) не могли не помнить. В 1902 г. петербургский градоначальник постановил выселить из столицы еврейку Рафайлович, окончившую Бестужевские курсы, утверждая, что данное обстоятельство не дает ей право проживать вне черты еврейской оседлости. Это решение поддержали министры просвещения и внутренних дел.

нечке, она ответила: присылайте Вашего юриста. И мать отвезла меня в Париж».

У Танечки на *place Clichy* Катя прожила недолго. В первую же неделю, занимаясь поступлением в университет, она встретила знакомого киевского студента, тоже бежавшего во Францию от суда за участие в студенческих волнениях. Переводили его через бессарабскую границу местные крестьяне, а до места встречи со «связным», знавшим этих крестьян, надо было добираться по Пслу — притоку Днепра.

«И я «пожертвовала на дело революции» мою любимую лодку «Катя», которую до того собственноручно мыла, а весла хранила в чулане; ключ от чулана носила в кармане — красавица «Катя» не доверялась никому. У ворот юридического факультета Парижского университета я узнала, что лодка вместе с веслами была брошена... а мой знакомый... теперь студент физико-математического факультета...

За полчаса этот человек рассказал мне массу новых, не всегда понятных, но, однако, взволновавших меня вещей.

Во-первых, мало учиться в Парижском университете. Необходимо ходить и на лекции в Вольную русскую школу, где читают лекции М.М. Ковалевский... и другие опальные русские профессора.

Во-вторых, мало учиться в Университете и в Вольной русской школе — надо ходить на собрания, в которых делают доклады Ленин, Плеханов, Кричевский, Мартов.

И наконец, «вообще никто не живет, как Вы на *place Clichy*. Все порядочные люди живут в Латинском квартале».

Катя Флейшиц не слышала этих имен, не знала, что такое «собрания и доклады». Но одно поняла: чтобы окунуться в бурный поток интересных и важных событий, жить надо в Латинском квартале.

«...Я, конечно, немедленно рассказала маме о встрече с киевским студентом. Думаю, мама не больше меня знала о Вольной русской школе, о Ленине и о Плеханове, и обо всем вообще, что я рассказала. Но я закончила таким убежденным резюме: «И вообще, порядочный человек должен жить в Латинском квартале», что, по-видимому, убеждена оказалась и мама. Как бы то ни было, но на следующий день мы пошли вместе с моим киевлянином к хозяйке пансиона на *rue Berthollet*, а еще через неделю я поселилась в этом пансионе, в самом сердце *quartier Latin*.

Тому более полувека. Но как живо я помню нахлынувший на меня поток впечатлений и знаний. Каждый день, каждый час приносил новое, и это новое толкало узнать что-нибудь еще более новое, и так без конца».

* * *

Конечно, диплом Парижского университета не давал права в России вступить в присяжную адвокатуру. Но и закрыть глаза на полученное Е.А. в Европе юридическое образование было трудно. И после череды ходатайств и прошений, сдачи экзамена по латинскому языку за курс мужской гимназии (он был сдан за два месяца), Е.А. получила «высочайшее разрешение, по представлению министра народного просвещения, подвергнуться испытанию в юридической испытательной комиссии при Санкт-Петербургском университете».

Такие испытательные комиссии существовали вне факультетов — они «особо назначались» при университете министром народного просвещения. Подвергнуться в комиссии «поверочным испытаниям» Е.А. должна была за весь четырехлетний курс юридического факультета (что должна была подтвердить «выпускным свидетельством», подписанным деканом). Е.А. прошла этот курс за год и два месяца и затем за девять недель сдала экзамены. Ее ответы на экзаменах «оцениваются не только как отличные, но и по ряду предметов являются памятными»¹, т.е. выдающимися, и она получает диплом первой степени об окончании юридического факультета Санкт-Петербургского императорского университета.

Итак, за пять лет после окончания гимназии (1904–1909) Е.А. оканчивает два университета: Парижский и Петербургский, и оба блестяще. Такова насыщенность жизни, заданная себе совсем молодой девушкой (а скорее, еще девочкой в гимназии). И так будет всегда. Е.А. будет успевать делать фантастически много, никогда при этом не оставляя впечатления человека «делового», сверхзанятого, вечно торопящегося, задержанного и т.п.

Теперь, весной 1909 г., путь Е.А. в присяжную адвокатуру, казалось, был открыт. 30 октября Совет присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты удовлетворил прошение Е.А. и принял ее в число помощников присяжных поверенных.

Строго говоря, это еще не сделало Е.А. адвокатом (речь идет о присяжной, а не частной адвокатуре). Для того чтобы быть «приписанным к сословию присяжных поверенных», надо было, кроме высшего юридического образования и достижения 25 лет, иметь солидный профессиональный стаж, которым, в частности, могла быть судебная практика под руководством присяжного поверенного в качестве его помощника.

---

¹ Полянская Г.Н. Указ. соч. С. 7.

«...Не ведение чужих дел перед судом, каковое ведение составляет исключительную привилегию и обязанность присяжных... а в порядке осуществления такой судебной практики выступления по гражданским делам и защита по уголовным делам на общих основаниях с другими лицами, не лишенными права ходатайствовать по судебным делам» — вот в чем была законная основа для участия помощников присяжных поверенных в судебных делах, и в частности основание для появления Е.А. 5 ноября 1909 г. вместе с присяжным поверенным Адамовым в XI отделении Петербургского окружного суда в качестве защитника одного из обвиняемых в краже бильярдных шаров из ресторана.

Дело это, известное в тогдашней печати и в современной литературе как «дело Пантофилова и его товарищей», «дело о краже бильярдных шаров», сама Е.А. обычно со смехом называла «историей о том, как от меня убежал прокурор».

Фабула происшедшего в тот день коротка.

После открытия заседания товарищ прокурора выступил с заявлением об отсутствии у женщины права быть защитником в уголовном деле, о том, что выданное Е.А. свидетельство на звание помощника присяжного поверенного не имеет юридической силы, и около часа подробно аргументировал эту позицию. Затем Е.А. в кратком выступлении обратила внимание суда на то, что закон не называет женщин в перечне тех, кому не дозволяется участвовать в качестве защитника на суде, и просила суд допустить ее к защите в данном деле.

Суд после совещания в своем определении признал возможным допустить Е.А. в качестве защитника по данному делу, основываясь на том, что речь идет «не о допущении г-жи Флейшиц в качестве помощника присяжного поверенного, а о предоставлении ей тех прав, которые принадлежат всем правоспособным гражданам, независимо от того, состоят ли они в адвокатуре или нет».

Товарищ прокурора заявил, что «считает присутствие суда ввиду его постановления незаконным, а потому участвовать в нем не может», собрал бумаги и быстрым шагом покинул зал. Председательствующему ничего не оставалось, кроме как за отсутствием законного состава суда заседание закрыть¹.

Вот, собственно, и все. Изложенное почти теми же словами, все это подробнее превосходно рассказано в упоминавшейся работе Г.Н. По-

¹ См.: Полянская Г.Н. Указ. соч. С. 9—10.

лянской. Единственное, что вызывает в ее статье сомнение, — это убежденность автора, что все происшедшее 5 ноября 1909 г. обрушилось на Е.А. неожиданно и никак ею не предполагалось. «Утром — казалось бы, полное свершение надежд, вечером — такое же полное их крушение. Думала ли она, — пишет Гертруда Николаевна, — что ее скромное желание вложить свой труд, свои силы и свои знания в дело правосудия вызовет такой отпор?»¹

Думала. И тому есть много подтверждений.

Главное из них — совсем недавняя история в Москве, где Совет присяжных поверенных округа Московской судебной палаты принял весной 1908 г. в число помощников присяжного поверенного трех женщин (Бубнову, Гиришман и Подгурскую) и где это решение Совета было определением Московской судебной палаты от 20 октября 1908 г. отменено с целым рядом обоснований того, почему для женщин путь в адвокатуру заказан.

Далее. Всеми сознавалась острота вопроса. Не случайно и в Москве, и затем в Петербурге советы присяжных поверенных принимали решения, заслушав специальные доклады своих членов о праве женщин быть принятыми в это сословие.

Необычна была и обстановка, в которой Е.А. оказалась в суде на скамье защиты. С того момента, когда она стала помощником присяжного поверенного, прошло всего пять дней! Такую поспешность, скорее всего, можно объяснить желанием упредить обжалование в суде решения Совета и его отмену (как это произошло в Москве). Да и «день первого дебюта первой русской женщины — помощника присяжного поверенного хранился в большом секрете во избежание каких-либо подготовительных действий»². О предполагавшемся обострении ситуации свидетельствует и заполнение зала заинтересованной публикой: адвокатами, прокурорами, курсистками, журналистами.

Вряд ли Е.А. могла не знать о нагнетании напряжения вокруг ее «дела». К тому же сам председатель Совета присяжных поверенных ее «предупредил, что события будут развиваться нелегко, молодой женщине работать адвокатом не дадут»³.

Поэтому на риторический вопрос Гертруды Николаевны, «предполагала ли [Е.А. Флейшиц. — А.М.], что станет объектом борьбы реакционных

---

¹ Полянская Г.Н. Указ. соч. С. 10.

² Энгер К. Первое выступление женщины-адвоката // Биржевые ведомости. 1909. 6 нояб. (цит. по: Полянская Г.Н. Указ. соч. С. 7–8).

³ Дозорцев В.А. Указ. соч. С. 193.

и прогрессивных сил, что ей предстоят еще дальнейшие испытания», можно ответить определенно: предполагала и сознательно на такие испытания шла.

Но действительность превзошла все предположения.

«На другое утро я проснулась знаменитой, — рассказывала Е.А. — В передней моей квартиры толпились репортеры всех крупнейших газет, а я рыдала в постели». Вероятно, рыдания все-таки были недолгими, потому что стало очевидно, что делу Флейшиц «суждено быть занесенным в анналы истории не только русского судебного процесса, но и русской общественной жизни»¹.

События развивались стремительно. В ближайшие ноябрьские дни «дело г-жи Флейшиц» получило отклик едва ли не во всех российских газетах, впоследствии не раз возвращавшихся к нему. При этом на защиту женской адвокатуры встали газеты самой разной направленности — от суворинского «Нового времени» до большевистской «Правды». Министр юстиции обратился в Сенат с запросом о допущении женщин в присяжную адвокатуру, а обер-прокурор — с представлением об отмене определения Петербургского окружного суда от 5 ноября 1909 г. Уже 12 ноября (как пишет Е.А., «с необычной для высшего суда поспешностью») Сенат после бурного обсуждения отказался признать за женщинами общее право на судебное представительство и указал суду на необходимость отмены определения о допущении Е.А. Флейшиц к уголовной защите. 16 ноября группа из ста с лишним депутатов от разных партий внесла в Государственную Думу проект закона, который путем уточнений ряда статей судебных уставов 1864 г. должен был уравнивать женщин с мужчинами как представителей и защитников в суде. 5 декабря Петербургская судебная палата предложила состоящему при ней Совету присяжных поверенных отменить свое решение от 30 октября 1909 г. и тем самым исключить Е.А. из числа помощников присяжных поверенных.

На этом пребывание самой Е.А. в присяжной адвокатуре закончилось. Но ее борьба за право женщин быть адвокатами отнюдь не завершилась. Слово «борьба» в данном случае уместно, потому что исходящее от правительства и всех крайне правых сил сопротивление часто было направлено и непосредственно против «адвокаторши Флейшиц». Предводитель Союза русского народа имени Михаила Архангела,

---

¹ Энгер К. Указ. соч. (цит. по: Полянская Г.Н. Указ. соч. С. 8).

черносотенец В.М. Пуришкевич даже удостоил ее личного послания-акростиха, зашифровав в нем антисемитское ругательство.

Зато для Е.А. открыла свои страницы вся юридическая печать, первой — еженедельная юридическая газета «Право», издававшаяся «при содействии» профессоров А.И. Каминки, М.Я. Пергамента, Л.И. Петражицкого и других крупных юристов. Уже в январе 1910 г. Е.А. опубликовала там в двух номерах большую (свыше авторского листа) статью «О женской адвокатуре»¹.

Эта первая публикация Е.А., первое из ее выступлений в печати в защиту женской адвокатуры оказалось и вполне квалифицированным научным исследованием проблемы, содержавшим экскурс в римское и средневековое право, сравнительное изложение законодательств большого числа стран (даже Ирландии, Скандинавских стран и др.) и скрупулезный анализ прошлого и действующего русского права в его толковании судами. И все это — в обоснование собственной позиции автора. Так случилось, что это был и подарок Е.А. себе: статья была напечатана в воскресных выпусках «Права» за 10 и 17 января 1910 г., а 16 января Е.А. исполнилось двадцать два года.

События между тем развивались, хоть и не так стремительно.

Явно «замаринованный» в Думе законопроект весной 1912 г. пришел в движение. Он был рассмотрен в заседании 23–24 мая и, несмотря на скандальную атмосферу, создаваемую Пуришкевичем и крайне правыми депутатами, принят при поддержке даже октябристов. Но через восемь месяцев, после острого обсуждения 23–24 января 1913 г., был провален в Государственном Совете (86 голосами против 66) в результате прежде всего резко отрицательной позиции правительства. Не помогли и выступления таких членов Совета, известнейших в обществе юристов, как А.Ф. Кони и Д.Д. Гримм.

В эти годы в собственной жизни Е.А. произошли важные и сложные события. Она вышла замуж за адвоката Э.А. Дубосарского, появился на свет сын Юра (1912), неудачный брак вскоре распался (1913).

Но все это время она продолжала свою «борьбу за правду». За три года (1911–1914) Е.А. опубликовала в том же «Праве», в «Вестнике гражданского права» и в другой юридической периодике еще четыре статьи в защиту женской адвокатуры и прав женщин². В 1913–1914 гг. она входит в прав-

---

¹ Флейшиц Е. О женской адвокатуре // Право. № 2. Стб. 63–73; № 3. Стб. 143–151.

² Флейшиц Е.А. Права женщин-юристов // Вестник права и нотариата. 1913. № 47. С. 3259–3260; Она же. Адвокаты будущего // Вестник гражданского права. 1914. № 7.